

Джерела та література:

1. Галаган М. З моїх споминів (1880-ті – 1920-ті рр.) / М. Галаган. – К. : Темпора, 2005. – 656 с.
2. Греков А. П. Переговоры украинской дирекции с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918-1919 гг. на Украине) : [Электронный ресурс] / А. П. Греков. – Режим доступа : <http://vijsko.milua.org/Grekiv.htm>
3. Марголин А. Украина и политика Антанты / А. Марголин // Революция на Украине по мемуарам белых. – М., Л. : Госиздат, 1930. – С. 359-392.
4. Кефели Я. С генералом А. В. Шварцем в Одессе (осень 1918 - весна 1919 года) / Я. Кефели // Белое движение в России. – М. : Центрполиграф, 2001. – Т. 5 : 1918 год на Украине. – С. 348-367.
5. Винниченко В. Відродження нації / В. Винниченко. – Репринт. відтворення вид. 1920 р. – К. : Вид-во політичної літератури, 1990. – Ч. 3. – 542 с.
6. Плешко Н. Из прошлого провинциального интеллигента / Н. Плешко // Архив русской революции : т. 9. – М. : Политиздат-Терра, 1992. – С. 195-240.
7. Коновалець С. Причинки до історії української революції / С. Коновалець // Історія січових стрільців. Воєнно-історичний нарис. – К. : Україна, 1992. – С. 287-346.
8. Деникин А. Очерки русской смуты / А. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – Т. 4 : Вооруженные силы юга России. Октябрь 1918 - январь 1919. – 560 с.
9. Мазепа І. Україна в огні і бурі революції 1917-1921 рр. / І. Мазепа. – Прага : Український Соціологічний Інститут, 1942. – Ч. 2. – 232 с.
10. Краснов П. Всевеликое войско Донское / П. Краснов // Белое дело. – М. : Голос, 1992. – Т. 3 : Дон и Добровольческая армия. – С. 5-209.

Поляков В.Е.**УДК 94:358.42+355.425.4 "1941/1944"(477.75)****КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ КРЫМА 1941 - 1944 гг.**

Постановка проблемы. В советское время о партизанах Крыма не было написано ни одной диссертации. В тоже время отсутствие научных исследований компенсировалось псевдо воспоминаниями И. З. Вергасова, И. Г. Генова, И. А. Козлова, Н. Д. Лугового, П. С. Макарова, М. А. Македонского, С. И. Становского, М.И. Чуба [4, 5, 11, 13, 14,15, 19, 21]

Все мемуары той поры, словно написаны по одному клише: все командиры мудрые, разведчики бесстрашные, комиссары чуткие и т.д. Если упоминается крымскотатарская фамилия партизана, то уже через несколько строк становится известно, что он, либо дезертировал, либо предал. Ни один факт, ни одно событие этих «воспоминаний» нельзя воспринимать, не перепроверив по иным источникам.

М. Македонский «Пламя над Крымом». Подлинным «шедевром» социалистического реализма является раздел, где Македонский рассказывает о послевоенной судьбе крымских партизан: «Комиссар нашего **соединения** Василий Ильич Черный и в мирное время находится на идеологическом фронте...» [15, с. 288].

Дело в том, Василий Чёрный комиссаром соединения никогда не был. Судьба же подлинного комиссара Южного соединения Мустафы Селимова, разделившего судьбу своего народа и депортированного из Крыма – скрыта от читателей, а комиссаром назван другой человек.

Воспоминания секретаря Бахчисарайского райкома партии, комиссара Бахчисарайского отряда Василия Чёрного заметно выделяются из общего перечня подобных работ. Сразу после войны он уехал в Россию, где до самой пенсии занимал высокий пост Первого секретаря обкома партии. Как я сейчас понимаю, а мне доводилось несколько раз общаться с Василием Ивановичем, он был «старый русский». Родился и вырос в Бахчисарайском районе, свободно говорил на крымскотатарском языке. Возвратившись на Родину, он по-прежнему видел в крымских татарах только друзей юности, добрых соседей, товарищей по трудной партизанской борьбе. В его книге было совершенно непривычно читать добрые слова в адрес партизан с крымскотатарскими фамилиями и именами [20].

Деятельность крымских партизан становилась предметом научных исследований историков А. В. Басова, Е. Н. Шамко, но они были заложниками своего времени [1, 24].

Единственное исключение – это труды Рефика Музафарова, в которых он пытался рассказать правду об участии крымских татар в партизанском движении Крыма [13].

Уже в XXI веке стали выходить в свет исследования Андрея Мальгина, который выделил такой актуальный аспект, как «Руководство партизанским движением Крыма 1941-1942 и «татарский вопрос». В его работе впервые приведены имена командиров и комиссаров из числа крымских татар [16, 17]. Появилась, наконец, и первая диссертация, написанная, правда, жителем Николаева Евгения Горбуровым [6].

И хотя она защищалась уже в XXI веке, иногда создавалось впечатление, что ничего не меняется в этом мире. На одной из страниц автор пишет: «Положение усложняется тем, что партизаны, вынуждены воевать на два фронта: как против фашистских оккупантов, так и против вооруженных банд из горных лесных татарских поселений» [6, с. 99].

Партизанское движение по всей оккупированной противником территории Советского Союза формировалось исключительно на базе партийно-советского актива. Крым в данном случае не был исключением. Анализируя стенографический отчет последней предвоенной партийной конференции, я попытался выяснить его национальную составляющую и сравнить с тем, результатом, что мы имеем по партизанскому движению.

Таблица 1. Национальный состав делегатов XXI областной партийной конференции ВКП(б).

	Крымская парторганизация	РККА, НКВД, ВМФ	всего	Процент от общего числа
русские	217	95	312	58.2
украинцы	49	20	69	12.9
татары крымские	61	4	65	12.1
евреи	51	7	58	10.8
прочие	25	-	32	6.0
			536	100%

Приблизительно вот так должен был выглядеть и национальный состав партизанского движения Крыма.

На заключительном этапе 10 апреля 1944 г., то есть за десять дней до расформирования партизанских отрядов, в освобожденном Крыму во всех трех партизанских соединениях Крыма было всего 3750 человек, из которых 2185 – русские, 598 – крымские татары, 313 – украинцы ...

Эти цифры ни в коей мере нельзя считать характеризующими вклад той или иной национальной группы, так как еще 1 311 бойцов и командиров самых разных национальностей в разные годы оккупации были вывезены на Большую землю; 2 345 погибли и пропали без вести.

Тем не менее, если рассматривать количественные показатели, то неизменной и самой высокой остается доля русских – 52%. С третьего места на второе переместились крымские татары поднявшись с 12.7% до 15.9%.

В отличие от других народов Крыма: болгар, греков, немцев, итальянцев которых даже не призывали в армию, до войны крымские татары считались не только лояльными советской власти, но и ее опорой [2].

Значение крымских татар в партизанском движении Крыма трудно переоценить потому, что никто, так как они, не знал крымские горы, лесные тропы, родники, пещеры...

В начальный период «на вес золота» ценились именно партизаны-проводники среди которых абсолютное большинство – крымские татары.

Аметов Абибулла, Аметов Ибраим, Аппазов Мемет, Аширов Абдулл, Бенсеитов Умер, Бережной Андрей, Велиев Смаил, Ислямов Сеит, Мамутов Асан, Мурадосилов Абдурахман, Халилов Эмир...

Вот как описывал свои впечатления об одном из таких проводников Илья Вергасов.

«Впереди - проводник по имени Арслан. За этим человеком гоняются, потому он скрывает свою фамилию. Проводнику около двадцати пяти, фигура как из бронзы литая, выносливость потрясающая, ходок – днем с огнем такого не найдешь. Помимо всего – удивительное чутье местности, прямо кудесник какой-то. Принюхается, раздувая тонкие точенные ноздри, и возьмет абсолютно верное направление. Вслед за проводником шел сам командир...» [4, с. 169].

Речь идет об Ибрагиме Аметове, который был проводником в Алуштинском, Бахчисарайском, а затем во 2-ом отряде 2-го сектора. Его жену с двумя детьми все же схватили гестаповцы и вскоре казнили. Командование чрезвычайно ценило Ибрагима Аметова. В числе самых первых он был награжден орденом «Красного знамени» и медалью «За оборону Севастополя».

Эвакуация осенью 1942 года всех вышеперечисленных проводников отрядов была непростительной ошибкой и примером недалёковидности.

В связи с тем, что крымские татары составляли значительную часть жителей горной местности, то при общем враждебном отношении местного населения Крыма к партизанам в период ноября 1941 – июня 1943 года, все это подавалось нашей пропагандой не как враждебное отношение «местного населения», а как враждебное отношение только «крымских татар».

Признать, тот факт, что население Крыма «изменило Советской власти» Крымской обком партии не мог при любых условиях, и потому первоначально была избрана более «политкорректная форма» – изменила только одна этническая группа – крымские татары. Потом список «народов предателей» расширили, добавив к нему армян, болгар, греков.

На втором этапе борьбы с лета 1943 года Крымский обком ВКП(б) требует резкого увеличения числа крымских татар в партизанских отрядах.

Вот как, один из современных авторов анализирует сложившуюся ситуацию в старокрымских лесах:

«Восточные леса. Здесь, пожалуй, был наиболее сложный переход крымских татар, как местных жителей, так и добровольцев, к партизанам, хотя здесь работали авторитетные партизанские руководители: Р.Мустафаев, Т.Тынчеров, Д.Колесников, А.Османов. Связано это было с тем, что наученное **горьким опытом предательства**, немецкое командование предприняло меры «профилактического характера» в частности, согласно донесениям партизанской разведки, в ноябре 1943 года добровольческие подразделения здесь были разоружены и собраны в Карасубазаре на казарменном положении, где лишь после проверки, обработки и отбора добровольцы вновь получали оружие и направлялись для несения службы. Что касается местного татарского населения, то, несмотря на все пропагандистские усилия, оно предпочитало «откупаться» от партизан продуктами и сохранять «нейтралитет» [15, с. 90].

Тот факт, что местное население помогает партизанами продуктами - это всего лишь стремление «откупиться».

Переход бывших «добровольцев» к партизанам автор почему-то называет предательством.

Немного о «неэффективной» работе Рефата Мустафаева, Талыта Тынчерова, Джемпара Колесникова, Аблязиза Османова.

«Мы начали встречаться с населением на дорогах... Выходил Тынчеров, капитан Советской армии, с медалями...».

Результаты пусть и не сразу, но, безусловно, сказывались. Вот последующая запись из этого же дневника комиссара отряда Черкеза:

«24.11.08 Привели татарина из с. Шелен. Он рассказал, что слава о партизанах, встречающих проходящих по Шеленской дороге крестьян и беседующих с ними, рассказывающих о положении на фронте дошла до всех окружающих деревень. Крестьяне лично убедились, что партизаны их не трогают, не взяли даже листочка винограда, а встретившиеся румыны – наоборот все отбирали. Теперь крестьяне, которые идут в степные районы менять вино и виноград на хлеб, специально идут Шеленской дорогой, как безопасной и находящейся под охраной партизан» [9, с.53].

В Зуйских лесах картина была совсем иная, но иные и методы агитации. По данным на 16 января 1944 года в составе отрядов 72 крымских татарина, да еще 5 в комендантском взводе. Каким образом были достигнуты такие успехи, какие слова нашли партизаны зуйских лесов никто из историков не сообщает. Вот что писал в своих воспоминаниях Нури Халилов: «30 октября 1943 года в деревню Суин-Аджи пришел целый отряд партизан. Они попросили меня поехать в Симферополь и вызвать коменданта. Дали в руки записку с подписью и печатью старосты общины. В записке было написано: «Господин комендант. Приезжайте и заберите 500 штук яиц и тонну яблок». Я отнес записку в районную комендатуру и узнал, что приедут на следующий день.

К обеду подъехала легковая машина, в которой сидели все три коменданта и еще офицер. За легковой машиной остановился крытый грузовик, внутри которого было шесть солдат, а в кабине сидели офицер и шофер. В этот момент партизаны открыли автоматный огонь. Немцы попытались сопротивляться, но бесполезно. Вскоре все фашисты были убиты.

В ответ немцы сожгли деревню. Тех, кто не ушел в лес к партизанам каратели собрали в кучу на расстрел» [22, с. 13].

Надо сказать, что на первом этапе при рассмотрении вопросов о награждении крымских партизан никакой дискриминации по отношению к крымским татарам не было. В достаточно скупом перечне награжденных 1942 года мы видим тридцать представителей крымскотатарского народа:

Алиева Зылха, Аметов Абибулла, Аметов Ибраим, Аппазов Мемет, Аширов Абдулл, Бенсеитов Умер, Билялов Нафе, Велиев Смаил, Ганиев Бари, Ибраимов Али, Исаев Абляким, Ислямов Сеит, Кавляметова Эзай, Кадыев Сеитхалил, Караев Ашир, Кемилева Наджие, Курсеитов Сейдали, Кучеров Ислям, Мамутов Асан, Молочников Мемет, Мурадосилов Абдурахман, Муратов Курт-Сеит, Муслимова Ава, Османов Аблязиз, Османов Бекир, Топалова Аджие, Фахриддинова Сарра, Халилов Смаил, Халилов Эмир, Эмир-Алиев Сеит, Юсуфов Эмирхан.

На заключительном этапе оформляются наградные листы еще на сорок шесть партизан, которые появились в лесу уже в 1943 году.

Таким образом, семьдесят семь крымских татар были награждены и представлены за свои боевые подвиги к правительственным наградам.

Впечатляет и доля крымских татар в командном составе партизанского движения только командиров, комиссаров отрядов, бригад, соединений тридцать один человек.

В шестидесятые годы в Крымском краеведческом музее произошел примечательный эпизод. Однажды среди посетителей оказалась крымскотатарская семья, которая на групповой фотографии узнала своего родного дядю. На фото даже была подпись Исаев.

С радостным криком они бросились к фотографии и со слезами на глазах, стали рассказывать о том, что это их дядя Абляким Исаев. Какой Абляким–Ага хороший человек, как он воевал в Крыму в 3–м Симферопольском отряде и вот даже его портрет здесь висит! Люди плакали от счастья.

Сотрудники музея вежливо поддакивали. Как только гости ушли, фотография была снята с экспозиции. Кто мог подумать, что Исаев – это крымский татарин.

Источники и литература:

1. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 / А. В. Басов. – М. : Наука, 1987. – 334 с.
2. Брошеван В. М. Крымский штаб партизанского движения / В. М. Брошеван. – Симферополь, 2001. – 103 с.
3. Брошеван В. М. Военная мобилизация в Крыму / В. М. Брошеван. – Симферополь, 2005. – 126 с.
4. Вергасов И. З. Крымские тетради / И. З. Вергасов. – М. : Советская Россия, 1974. – 448 с.
5. Генов И. Г. Дневник партизана / И. Г. Генов. – Симферополь : Крымиздат, 1983. – 279 с.
6. Горбунов Е. Г. Рух опору і національне підпілля на Півдні України та в Крыму / Е. Г. Горбунов. – 2004.
7. ГА АРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 1987.
8. ГА АРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 18.
9. ГА АРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 31.
10. ГА АРК. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 202.
11. Крымскотатарская энциклопедия : т. 2 / Р. Музафаров. – Симферополь : Ветан, 1995. – 835 с.
12. Луговой Н. Д. Побратимы / Н. Д. Луговой. – К. : Политиздат Украины, 1974. – 457 с.
13. Луговой Н. Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага / Н. Д. Луговой. – Симферополь : Эльнино, 2004. – 732 с.
14. Макаров П. В. Партизаны Таврии / П. В. Макаров. – М. : Воениздат, 1960. – 381 с.

15. Македонский М. А. Пламя над Крымом / М. А. Македонский. – Симферополь : Крымиздат, 1969. – 253 с.
16. Мальгин А. В. Руководство партизанским движением Крыма 1941-1942 г.г. «татарский вопрос» / А. В. Мальгин // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 14. – С. 78-115.
17. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны : сб. документов и материалов : 1941-1944 гг./ сост.: А. В. Мальгин, Л. П. Кравцова, Л. Л. Сергиенко. – Симферополь : Сонат, 2006.
18. Сермуль А. А. 900 дней в горах Крыма / А. А. Сермуль. – Симферополь : Сонат, 2004. – 98 с.
19. Становский С. И. Партизаны / С. И. Становский. – Симферополь : Крымиздат, 1959. – 213 с.
20. Черный В. И. Долгом призванные / В. И. Черный. – Симферополь : Таврия, 1985. – 192 с.
21. Чуб М. И. Так было / М. И. Чуб. – Симферополь : Таврия, 1980. – 192 с.
22. Федоренко Ф. И. Годы партизанские, 1941-1944 / Ф. И. Федоренко. – Симферополь : Таврия, 1990. – 288 с.
23. Халилов Нури. Воспоминания / Халилов Нури. – Личный архив автора.
24. Шамко Е. Н. Партизанскими тропами. Путеводитель по местам боев крымских партизан в годы Великой Отечественной войны / Е. Н. Шамко. – Симферополь : Крым, 1969. – 133с.

Сичаева Г.А.

УДК 927.7 (= 51219)

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ДВОРЯНСТВА

Крымскотатарское дворянство имеет великую многовековую историю, уходящую корнями своего происхождения еще в эпоху завоеваний кочевников Великой Степи, прошло сложный путь становления и выдвигания в правящие круги государства крымцев. Крымскотатарское дворянство в лице родоплеменной аристократии и служилого дворянства политически и экономически доминировали в Крымском ханстве. На протяжении всего существования Крымского ханства родоплеменная знать, будучи фактической владельницей Крыма, политически доминировавшая и составлявшая основную военную силу ханства играла далеко не последнюю роль в государстве.

При изучении комплекса источников и историографической литературы можно встретить достаточно большое количество материала по тематике исследования. Кисточникам можно отнести архивные данные, путевые заметки иностранных путешественников, труды крымскотатарских придворных летописцев, памятники дипломатических сношений и многие другие. Историографическую базу исследования составляют наиболее известные и труды В.Е. Сыроечковского, Х. Инальчика, В.Ф. Manz, Ф.Ф. Лашкова. В тоже время проблематика исследования в историографической литературе состоит в объективной интерпретации имеющихся источников, связанная с их переводом с языка оригинала, большинство которых написано на староосманском языке или на старокрымской письменности. Мнение большинства историков сходится в том, что данная проблема является самой значительной, требующей должного внимания и глубокого изучения, решение которой поможет исследователям в открытии новых фактов и сведений по истории Крыма, Крымского ханства и крымских татар в целом. Целью статьи является освещение и определение крымской знати в структуре Джучиева Улуса, Крымского ханства, охватить первый год истории крымской знати после аннексии Крыма Российской империей.

По мнению казанских ученых Д. Исакова и Л. Измайлова, начальный этап становления кланово-племенной структуры империи Чингиз-хана в тюрко-монгольском обществе приходится на 1206г., когда Чингиз-хан, став ханом новой конфедерации племен, не сделал никаких попыток изменить основной порядок нового общества. Он просто принял и расширил существующую племенную структуру и вскоре санкционировал племенной порядок своей державы, признав в своем ярлыке 9 новых или существующих племенных групп «тысячами» то есть военно-административными и этнополитическими единицами [11, с. 158]. Подобную картину мы можем увидеть уже период Крымского ханства, когда административно-территориальную единицу наряду кадылыками составляли бейлики определенных знатных родов, как и основную военную силу хана.

Позже, с дальнейшей экспансией Монгольской империи были сформированы другие новые «тысячи» и назначены новые их владельцы. Одновременно происходило выделение улусов и войск из различных кланов для сыновей Чингиз-хана, которые сами становились ядром для будущих обширных владений и также использовали свои отряды для создания на новой территории новой военно-административной организации, в основе которой лежали кланы, ведущие свое происхождение из Центральной Азии [11, с. 158], сохранившейся и в социальной структуре Золотой Орды.

Само присутствие клановых структур в Золотой Орде не подлежит сомнению. Уже в ранний период важную роль в политике Улуса Джучи играли представители кланов Силживут (Салджигут), Кингит и Хушин, а также некоторые другие – Алчи-татар, Кийат и Кунграт. Клан Кийат, Силджигут а также Алчи-татар, Кунграт и Мангыт играли важную роль в Ак- и Кок-Орде (пер. пол. XIV века). Уже в 1380-е гг. можно видеть совсем другую ситуацию – наряду спрежними кланами Кунграт, Кийат и Сарай, в число ведущих кланов начинают выдвигаться кланы Мангыт, Ширин и Барын. Причем, клан Ширин закрепляется в Крыму. Позднее, уже в XV веке именно из этих кланов выдвинутся четыре правящих клана в Крымском ханстве – Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак [11, стр. 159]. Клан Ширин являлся одним из самых важных и